

ЗЛАТА СОККОД

Я забираю тебя,

АНЯ

Злата Соккол

Я забираю тебя, Аня

<https://litres.ru/74205608>

Аннотация

Почему я? Почему он выбрал меня? Не потому ли, что боялась этого больше всего на свете? Константин Самойлов - властный деспот и жестокий тиран. Я всегда ускользала от него, убегала, пряталась, но всё равно попалась. Теперь я его жертва и его жена. И я знаю, мне не спастись, если я не найду способ позвать на помощь того, кто сможет забрать меня из этого плена...

Первая книга цикла "Кошки-мышки"

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Предисловие

Страх.

Излом.

Надрыв.

И снова страх.

Знакомо ли вам это чувство «приевшейся опасности»? Не чувство постоянного напряжения, которое изматывает до нервного истощения, нет. Не то. Чувство страха, которое настолько въелось под кожу, что его уже, должно быть, можно обнаружить в крови.

Я люблю сериалы. Когда я посмотрела сериал «Игра Престолов» я узнала себя в одной героине, даже внешне мы чем-то похожи – длинные рыжие волосы, светлая кожа, голубые глаза, правильные черты лица. Так вот эта самая героиня два раза за весь сериал попадала в плен, названный браком, сначала к одному ублюдку, а потом и ко второму. Оба садисты и жестокие убийцы. И оба ломали её так, как им хотелось.

Единственное, что ей оставалось это молчать, держать лицо, скрывать синяки, смиряться, рыдать в темных углах, страдать и мучиться, а ещё мечтать о свободе.

Я была такой вот Сансой Старк. Только в жизни. И я попала в плен, названный браком, к ублюдку, садисту и жестокому убийце. Мне приходилось молчать, держать лицо, скрывать синяки, смиряться, рыдать в темных углах, страдать и

мучиться, а ещё мечтать о свободе.

Глава 1

- Аня!

Я вздрогнула и обернулась. За долгий год супружеской жизни эта маленькая невротическая реакция на громкие звуки, моё имя и фразу «Сегодня ты останешься со мной» стала вполне естественной для меня.

Было воистину что-то ужасающее в том, что из всего класса в нашем закрытом элитном лицее в таком же закрытом элитном посёлке, именно я попала в лапы к Константину Самойлову. Почему я? Там было столько его любимых девиц, которые мечтали стать его женой...

Девиц, с которыми он до сих пор спал, и которых не стеснялся приводить в свой дом, не глядя на меня. Все они знали, что его жена здесь, вот она – запуганная мышка в темном уголке.

Мышка, которая будет терпеть всё.

Почему я? Почему он выбрал меня? Не потому ли, что именно я боялась этого больше всего на свете?

Ещё со средней школы я хорошо усвоила, кто такой Константин Самойлов. Надменный, слащавый ублюдок, вечно следящий за своей внешностью, куда более придирчиво, чем за своим поведением. Обожающий себя и только себя, окруженный бабами, деньгами, свитой своих шестерок...

Были девочки, которые не боялись его – не в его вкусе.

И были те, которые были уверены, что он может обратить на них свое внимание. Не из симпатии или любви, нет, из жажды сломать.

Я была в лагере вторых. Просто видела, чего он любит и кого ищет для себя.

Именно поэтому я всегда ускользала от Самойлова, не попадалась ему на глаза, пряталась.

Особенно, если видела его, идущего в окружении своры его шавок...

Я знала, что если вдруг взгляд Самойлова упадёт на меня и он захочет меня в свою коллекцию – никто его не остановит. Хотя и предполагала, что я для него не представляю ровно никакого интереса.

Я старалась быть незаметной, но несмотря на это, прекрасно училась, отличалась примерным поведением и тем, что всегда была одарена благосклонностью даже самых строгих преподавателей.

В конце концов, я была влюблена совсем в другого человека.

Но всё рухнуло в тот день, когда случилось то, чего я больше всего боялась – я попалась Самойлову.

- Аня!

- Я здесь, - ответила я тихо, заходя в огромную, чистую и модную до рези в глазах столовую.

Дом Самойлова – это холодные тона, отчужденный стиль хай-тек в интерьере и всё самое дорогое от первой до послед-

ней детали.

Я прихватила пальцами рукава своей бежевой водолазки и потянула вниз – Самойлов ненавидел, когда кто-то кроме него видел синяки, оставленные им же самим. На моей бледной коже они отпечатывались очень легко, а тут было полно обслуживающего персонала, который очень умело делал вид, что не болтает за спинами. Так умело – не придерешься.

Но и Самойлов, и я, оба будучи из состоятельных семей, прекрасно знали, что не бывает тех, кто не болтает. А сплетни всегда растут быстро и в больших количествах, как сорняки.

Не знаю, правда, чего он боялся. Его репутация была известна всем и каждому, но он по-прежнему пытался хорохориться. Жалкий петух.

- Доброе утро, - произнесла я, подходя к длинному столу. Мой голос чуть дрогнул.

Я опустила за стол напротив мужа. Он всегда выглядел щеголем: стильная одежда, часы, браслеты, модная укладка. У Кости были черные волосы, глаза – карие. Пронзительные глаза, жестокие, умеющие изъедать душу другого. У Самойлова были ровные черты лица, бледная кожа, почти такая же бледная, как у меня. Он был привлекателен, и женщины любили его. Даже слишком – ложились под него по щелчку пальцев. Он же прикладывал все усилия, чтобы ни одна из них не забеременела. Самойлов считал, что родить ему ребенка должна незапятнанная связями, чистая и прилежная

девушка. Та, которую он решил сделать своей женой. Та, которая должна была тащить на себе тяжелое бремя брака с ним, мучаясь от всех кошмаров его деспотизма, которого он обрушивал на неё.

То есть я.

Ко всему прочему, я должна была быть примерной, нежной, неиспорченной прожженным миром богачей, скромной и красивой женой-паинькой. Ухоженным, но без всякого излишества нежным цветочком. Я должна была слушаться его, спать с ним, когда он прикажет, закрывать глаза на его измены, срывы и применение силы по отношению ко мне.

Но главное – я должна была родить ему ребенка.

Проводил он со мной ровно четыре ночи в месяц. Перед этим проходя обследования на предмет своей чистоты. Самойлов, конечно же, целиком и полностью обеспечивал меня. О моей работе не могло быть и речи. Чудом я успела окончить университет, прежде чем мой отец полностью разорился.

Самойлов так же целиком выплатил долги моего разорившегося отца, которого он же сам и разорил. Мой папа умер меньше, чем через год после случившегося краха. К моему счастью и по моей инициативе, моей матери очень вовремя удалось сбежать с помощью её сестры. Иначе бы он добрался до неё и сделал бы ей очередным рычагом для давления на меня.

Впрочем, от моей души, внутреннего здоровья и спокой-

ствия почти и так не осталось живого места. Он переломал меня ровно настолько, чтобы я не сошла с ума окончательно и при этом могла родить ему здорового ребенка.

- Доброе утро, моя Аня.

Самойлов протянул руку, жестом призывая меня вложить свою ладонь в его. Я повиновалась. Как и всегда, полностью отключив всякие эмоции.

Думаете, я не пыталась бороться? Не пыталась бежать?

Как бы ни так. Первый мой неудавшийся побег окончился тем, что я оказалась в больнице, испытав на себе гнев Самойлова в полной мере. В самой дорогой и навороченной больнице коридор к моей палате был устлан цветами и воздушными шарами. Туда он приезжал встречать меня после выписки: весь с иголки, в самом дорогом костюме, в черном пальто, весь лощеный и сногсшибательный. Обнимал, целовал мои ладони, носил на руках.

Это якобы он так переживал, что я попала в передрагу, где меня изнасиловали и избили. Дома, так как это всё сделал именно он, Самойлов действительно просил прощения за все эти зверства. Прижимал меня к себе, словно хищник, прижимающий к груди свою добычу-игрушку, шептал, что я сама виновата, что ведь я сама подвела его к этому, что я его не люблю, что пыталась оставить его одного бедного и несчастного.

Поэтому он так ОТРЕАГИРОВАЛ.

Он всегда так делал. Уничтожал меня, а потом валялся в ногах, умоляя простить его. Бедного и несчастного. Смириться с тем, что он такой вот, что ему нужна моя помощь, что я обязательно когда-нибудь сделаю из него совсем другого человека, но только если буду терпелива, ласкова и даже в мыслях не буду допускать такую вещь, как побег.

- Ты такая красивая, - улыбнулся он. – Моя маленькая Аня.

- Спасибо. Я рада, что ты доволен.

Я едва заметно улыбнулась. Попробуй ему не улыбнись. Можно и оплеуху словить.

Вокруг нас порхала обслуга, нанятая в этот дом. Две девушки прибирались, наводили лоск, раскладывали свежие газеты и журналы. С одной из них Самойлов регулярно спал. Я это знала, и мне было невыносимо противно от этого фарса, в центре которого я оказалась.

Шлюха Самойлова, поблескивая глазами, ревниво поглядывала в нашу сторону. Самойлову на это было класть с высокой башни, а мне было даже смешно.

Я хотела, нет, я МЕЧТАЛА выбраться из этой тюрьмы, на которую другие смотрели с завистью. Смотрели и жаждали попасть на моё место. Я бы уступила. Правда. Убежала и даже бы не обернулась.

Только вот ОН не собирался меня никуда отпускать.

Женщина постарше как раз принесла кофе. Анастасия Николаевна. Единственная, кого я хорошо запомнила здесь.

Персонал здесь менялся редко, но я никак не могла точно запомнить лица и имена даже тех, кого видела довольно часто. Её запомнила с первых дней моего заключения здесь.

- У тебя не очень много времени, - спросил Костя, чуть растягивая слова. Он оторвал взгляд от экрана смартфона и скользнул по мне взглядом. - Во сколько прием?

Моя жизнь полностью была расчерчена по расписанию. Каждый мой шаг контролировался. Каждая копейка была где-то записана. Все карты, все документы, всё, что мог иметь свободный человек в нашей стране – всё это хранилось под замком у моего мужа.

Без него я была просто пустым местом. А с ним – его карманной тряпичной куклой.

- В одиннадцать.

- Тогда тебе надо поторопиться.

Самойлов ласково улыбнулся мне, и по блеску в его глазах я заподозрила что-то неладное. Завтрак я заканчивала в одиночку, Самойлову кто-то позвонил. Он, гневно сверкнув глазами, вышел из-за стола.

- Что значит Скавронский завернул сделку?! – рявкнул Костя, с грохотом отодвигаясь на стуле и выходя из-за стола. – Вы с ума сошли?! Скажите, что я сам буду говорить с ним!

Самойлов ушёл. Я не сдержала злой усмешки – единственный человек, который мог зарубить все планы Самойлова на корню, был Максим Скавронский. И с таким куском дерьма, как Самойлов, он не станет говорить, как бы Костя об этом

не мечтал. Впрочем, Скавронский имел столько власти, что мог бы запросто закрутить гайки в делах каждой семьи из нашего властного гетто.

К столу подошла Анастасия Николаевна, чтобы собрать грязную посуду. Я скосила на неё взгляд – тугой пучок седых волос на затылке, острый нос и поджатые губы. Она будто бы не менялась, хотя работала у Самойлова много лет.

- Сообщите водителю, что мне нужно выехать через пятнадцать минут.

- Конечно, - сухо ответила женщина.

Глава 2

Я поднялась наверх в свою комнату. У нас с Костей были отдельные комнаты, к моему счастью. Нужно же ему было место, где он мог совершенно свободно развлекаться со своими бабами, оберегая моё бедное униженное сердечко.

Однако общая комната у нас с Самойловым тоже имелась. Там, словно постамент на обозрении, стояло наше супружеское ложе, на которое этот ублюдок утаскивал меня четыре раза в месяц.

Так что да. У нас была наша спальня. Наша общая комната.

Я там никогда не бывала, а когда попадала туда, то спешила побыстрее выбраться. Когда он мне разрешал, я сбегала оттуда настолько быстро, насколько могла.

Закрыв глаза на секунду, я постаралась выкинуть из головы все гадливо-неприятные воспоминания, и поднялась по лестнице выше.

Закрыв за собой дверь, огляделась в своей просторной светлой комнате. Моем уголке, норке. Только здесь в этом доме я чувствовала себя максимально защищенной. Я сама создала уют в этой комнате – живыми цветами, плетеной мебелью, книгами.

Здесь было хорошо. Костя почти сюда никогда не заходил. Слава Богу. Он считал, что у его жены должен быть её будуар,

где ему нет места.

Мельком взглянув на часы, я решила не переодеваться. Расчесала медно-рыжие волосы, чуть подправила едва заметный макияж. Господи, каким бледным и исхудавшим мне казалось мое лицо. А запястья... Я всегда была худенькой. Не очень высокой и худенькой. Асса, что была не выше меня, но отличалась более красивыми формами, при всей своей стройности, всегда утверждала, что мечтает похудеть до уровня «Анна Тихонова».

Я зажмурилась на секунду. Зажмурилась от боли, до звезд в глазах. Моя дорогая Асса... Мой дорогой Петя... Петя. Сердце стукнуло с рваной болью в груди. И ком мгновенно встал в горле.

Нет, я запретила себе думать о них. Даже вспоминать.

Вдох-выдох. Я подхватила со стула сумку, проверила, ничего ли не забыла и спустилась вниз. Водитель уже должен был подъехать.

Сердце моё было беспокойно. Всё-таки Самойлов странно вёл себя с утра. Что бы это могло значить? Я, конечно, привыкла искать во всём подвох и всего опасаться. Но и Костю я изучила за этот год вдоль и поперек.

Я вышла из дома на великолепную площадку, выложенную камнем. Сад перед помещьем Самойлова был прекрасен, но громоздкие скульптуры в современном стиле и зеркальные фонтаны всё портили. Черный Лексус, который значился машиной только для меня, подъехал прямо к парад-

ной лестнице. Невысокий и худощавый водитель неопределенного возраста, кажется, Владимир, вышел из салона авто и приподняв кепку, поздоровался со мной.

Я села в прекрасно пахнущий, чистый до беспредельных ноток салон и пристегнулась. Самойлов велел всем водителям следить, чтобы я всегда была пристегнута. И чтобы меня всегда везли, не превышая определенную скоростную отметку. Придурок. Это он так типа заботился о моей безопасности. А потом ломал мне пальцы и таскал за волосы. Сумасшедший козел.

Мы выехали за ворота на дороги нашего элитного поселка – это была полностью охраняемая территория, как на каком-то военном объекте. Тут и белка не проскочит.

Мне было тошно смотреть на все эти поместья, блестящие лоском, высокие заборы и абсолютно невыразительные злые лица с задранными носами, что периодически можно было здесь встретить.

Растерянная и обеспокоенная тем, что Костя был несколько странен, я думала о приёме, на который ехала.

Это был приём у врача акушера-гинеколога. Самойлов сам позволил мне выбрать врача. И это был его маленький промах. Надя Куликова некогда работала в клинике с моей мамой. Через неё я передавала маме вести о себе и получала обратные новости. Но главное – Надя знала, что я тайком предохраняюсь, чтобы не забеременеть от Самойлова, и покрывала меня.

Костя волосы рвал на себе, не понимая в чём дело. Обследования в клиниках ничего не показывали ни ему, ни мне. Всё было в порядке. Ему говорили ждать, но его мужское самолюбие с каждым месяцем всё больше уязвлялось. Когда его дружки предлагали ему поменять самку, он посылал всех куда подальше и говорил, что родить ему наследника должна только я.

Долго, конечно, это продолжаться не могло. Но я собиралась совершить ещё одну попытку побега, и мне нужно было время.

Пытаясь отвлечься, я посмотрела в окно. Мы уже подъезжали к Москве. Машин было немного, городские джунгли любимого города приветствовали до боли знакомыми чертами.

Мой мобильный телефон зазвонил. И я отвлеклась от всех мыслей.

«Надя...» - подумала я.

Я подхватила новую модель дорогуемого брендового телефона, который был вручен мне на днях Самойловым, и сняла трубку.

Но звонок уже сбросили.

Пришло лишь короткое сообщение в ВотСапп.

«Аня, он знает».

Моё сердце в ужасе сжалось, а внутри всё похолодело.

 Владимир остановил машину возле чистого и аккуратного, недавно отремонтированного здания с большими

окнами. Это и была клиника, где вёл приём мой врач.

Я вышла из машины и заторопилась к холлу. Последние деньки лета укутывали своим теплом, и городская атмосфера казалась невозможно приятной. Хотелось пить горячий кофе в стаканчике, гулять по городу, смеяться. Как мы когда-то гуляли по городу с Петей.

Казалось бы, это вчера. В мыслях промелькнул каскад воспоминаний, и главные из них: самая красивая на свете улыбка и тёплый взгляд зелёных глаз.

Я резко затормозила у раздвижных дверей. Господи, да что со мной сегодня?

«Выброси из головы, - велела я сама себе. – Сейчас об этом думать нельзя».

Но ничего выбрасывать даже и не понадобилось. Из головы разом вылетели все мысли, когда возле изгиба стойки для ресепшна я увидела Самойлова. Он был одет в узкие джинсы, черную футболку и короткую кожанку. Весь с иголочки. Губошлёпки с трехметровыми ресницами, что сидели на ресепшне, так и пускали слюни, рассматривая его.

«Несчастные, - подумалось мне. – Знали бы вы, как бывают опасны мышкены сладости в когтях кошки».

- Моя дорогая Аня, - проходя по практически пустому холлу, отстукивая каблуками своих ботинок, произнес Самойлов. Он жеманно улыбнулся и протянул мне руку. – Пойдём. Я решил, что должен проводить тебя к твоему врачу.

Внутри всё клокотало, рвалось от ужаса. Я, словно зача-

рованная, вложила холодную ладонь в крепкую хватку Самойлова и прошла вслед за ним к глянцевым лифтам. Мы поднимались, должно быть, целую вечность.

Всё это время на губах Кости держалась едкая ухмылка – я хорошо её знала, эту ухмылку. Эту жажду крови в глазах. Мое сердце ещё билось? Мне казалось, что любой шаг в это чистом коридоре клиники может стать последним. Я просто умру от страха, и всё закончится.

До боли знакомый кабинет, плотно закрытая дверь и темноволосая женщина, стоящая на коленях у окна. Два бугая в костюмах возле неё, один держит женщину за волосы. Растрепанную, помятую, с заплаканным лицом... Какой ужас! Надя, дорогая Надя, всегда веселая и поддерживающая, с такой доброй улыбкой и мягким взглядом светло-карих глаз!

- Надежда Викторовна!... - воскликнула я. - Господи! Отпустите её!

Я, было, рванула вперёд, но Костя, лишь сильнее перехватил мою руку.

- Итак, - сказал Самойлов, прищурившись и одаривая несчастную Надежду презрительным взглядом. – Я по своей исключительной доброте разрешил Ане наблюдать у Вас, Надежда Викторовна, проходить обследование в этой вашей шараге... И что? Вы уже год водите меня за нос. Последние полгода мы не вылезает из обследований: всё хорошо, всё замечательно. А оказывается, что Аня просто предохраняется и поэтому... ПОЭТОМУ у нас ничего не получается.

Я весь извёлся. Я, можно сказать, покрылся позором среди чутких и уважаемых людей, среди моих друзей, родственников...

«Господи, какой же ты придурок! – не сдерживая слёз от глущей обиды и презрения, подумала я. – Хоть кто-то должен найти на тебя управу, Самойлов! Хоть кто-то...»

- Вели им отпустить Надю! – разрыдалась я окончательно, едва не падая.

Костя меня тут же подхватил и легонько встряхнул, ставя на ноги.

- Вам, Надежда Викторовна, очень повезло, что я люблю свою жену и по своему великодушию прощаю ей всё, - сказал Самойлов, глядя на врача с насмешкой. – Даже то, что Вы совершили. Поэтому отпущу Вас. С миром отпущу. А так как главврач клиники друг моего отца, который ничего не знал о том, что здесь происходит, репутация его клиники не пострадает. В отличие от Вашей. К этому я руку приложу, уж поверьте мне.

Я вдруг почувствовала, как мне не хватает воздуха. Схватила за горло, падая на колени. Это ведь всё из-за меня... Из-за меня... Господи...

- Аня... - прошептала Надежда, глядя на меня. – Аня... Ты не волнуйся, Анечка...

- Да, ты не волнуйся, Аня, - зло процедил Костя, рваным движением поднимая меня с колен и подтягивая к себе. – Ты же знаешь, мои люди мягко приложат свои нежные руки для

парочки ударов, которые послужат этой женщине уроком за её ложь и обманку, которую вы с ней устроили. И за все мои нервы тоже. А потом мы её отпустим, Аня. Врачом ей, конечно, больше не работать. Вообще в медицине. Но это всё меркнет и бледнеет по сравнению с тем, что тебе, моя хорошая... - Костя повернулся ко мне, с силой ухватывая за подбородок и приближая свое лицо к моему. – Достанется ещё больше «нежностей». Только уже лично от меня. Так и знай.

- Отпусти её, - прорычала я в бешенстве, не узнавая собственный голос. Что-то словно бы дало мне силы – я с силой заметалась из стороны в сторону, отталкивая Самойлова. – Отпусти! Её!

- Дрянь! – выдыхая, удивленно выругался Костя.

- ОТПУСТИ! – заорала я, словно сумасшедшая.

Горло заболело, словно разодранное. К Самойлову, пытающемуся меня удержать, подскочил один из бугаев и вцепился мне в волосы.

- Не трогай её, болван! – Взорвался Костя, отвесив ему оплеуху. - Я сам с ней справлюсь!

Самойлов выволок меня из кабинета, развернул к себе и влепил звонкую пощёчину. От боли, обиды и ненависти я сначала потерялась, но Костя, крепко схватив меня за плечи, тут же вцепился мне в волосы на затылке, а затем рьяно поцеловал. Это был властный, подавляющий, какой-то совершенно унижительный для меня поцелуй. В эти секунды я ненавидела его всеми фибрами души.

- А теперь нам пора, - прошипел Костя, сжигая меня своими потемневшими карими глазами. - Будем перевоспитывать тебя. Дома. Там, где нам никто не помешает.

Костя подхватил меня за локоть, волоча за собой. Я услышала звонкий удар, вскрик и слёзы, после этого будто бы что-то разбилось в кабинете Нади. Бугаи вышли, и вслед им, к своему счастью, я услышала поток её ругани.

«Значит, жива, - подумала я с облегчением. – И, наверное, не всё так страшно...»

Прижимая руку к горячей от боли щеке, я покинула клинику вслед за Костей и его свитой. Я даже на секунду боялась представить то, что мне предстояло испытать дома.

Глава 3

Я закрыла глаза на мгновение. Страх клокотал внутри. Страх, ужас, обида и желание выжить. Впервые я готова была вцепиться Самойлову в лицо.

Он зашёл в комнату и закрыл дверь. Остановился, сунув руки в карманы. Полутьма пугала, и этот холод тоже действовал на нервы. Было зябко, словно где-то на кладбище.

- Ты действительно думала, что я спущу тебе это с рук, маленькая дрянь? – зло выговорил Костя, сверкнув потемневшими глазами в мою сторону. – Целый год ты водила меня за нос. Я тратил деньги, убивался, а теперь выяснятся вот оно что...

А затем он вдруг стал расстегивать ремень, вытаскивая из джинсов. Я отпрянула к окну, вцепившись в подоконник до побелевших костяшек пальцев.

- Не подходи ко мне, - прошипела я. Меня хлестало жгущими страхом – совершенно обессиливающим и мучительного.

- Да у тебя голосок прорезался, смотрю? – рявкнул Самойлов, направляясь ко мне. Он был зол и страшен.

- Пошёл ты к черту, - в отчаянии огрызнулась ему в ответ. – Пошёл ты к чёрту, Самойлов! Хоть бы в аду демоны изодрали тебя в клочья! Если подойдёшь ко мне, то получишь сполна!

Он даже остановился, опешив. Остановился, крепко сжи-

мая ремень в руке. Мне было страшно представить, что он собирался сделать со мной.

«Он, наверное, убьёт меня, - подумала я. – Но я так просто ему не дамся... Не теперь. Теперь мне больше нечего терять».

- Ты собиралась сбежать, - прищуриваясь, спросил Самойлов. – Я знаю, что ты собиралась... Я вижу это по твоим глазам. У тебя есть план, маленькая гадина. Мало тебе прилетело с того раза, да? Или ты уже забыла, как это бывает?

Он медленно сделал шаг, потом ещё один. Я рывком отпрянула в сторону, но угодила прямо Косте в руки. Этот запах стали, дорогой кожи и табачных ниток в его одеколоне... Господи, это самый страшный запах на свете. Запах жестокости и боли.

Костя крепко сжал меня в руках. Его дыхание почти обожгло меня. С силой вцепившись мне в волосы, он потянул мою голову назад, так, чтобы я могла видеть его лицо.

Глаза мгновенно защипало от слёз.

- А ты думаешь, что я не сбегу? – В тон ему ответила я. – Либо сбегу, либо умру. Третьего не дано.

Самойлов отбросил меня к стене, от неожиданности я потерялась в пространстве. Выдохнула и тут же вскрикнула – скулу и щёку обожгло болью от тяжёлой пощёчины.

- Никуда ты не сбежишь, Аня, - прорычал он. Его глаза потемнели ещё больше, желваки заходили на скулах. Я опустила взгляд на ремень, что он держал в руке. – Теперь всё

изменится. Ты забеременеешь от меня...

Он шагнул ко мне, и я, переполненная страхом и яростью, впервые в жизни кинулась на Самойлова с кулаками.

Толкнув его в живот, так, что он, охнув, отшатнулся, я съездила ему кулаком в челюсть. Слабо, конечно, но не так уж и плохо для первого раза. Ярость распалила мою кровь!

Я, крича, вцепилась Самойлову в волосы, но дальше – конец. Он был куда сильнее меня. Быстро спохватившись, он сбил меня с ног, перехватил руки, и вместе со мной упал на ворсистый ковёр.

Я разбила ему губу.

И вот она картина. Кровь в уголке его рта, и тут же ухмылка – гадкая, циничная. И горящие уже не злобой, а похотью глаза.

- Знаешь, а мне даже понравилось, моя маленькая Аня, - прошептал он, удерживая мои запястья над моей головой. – И ты очень зря надеешься, что я тебя когда-нибудь отпущу... Никогда не отпущу. Даже не надейся.

Я закусила губу, пытаюсь пошевелиться, но Самойлов так прижал меня к полу, что я не могла сопротивляться ему ни в каком виде.

- Я буду надеяться. И буду пытаться. Так и знай, - зло прошипела я. Горькие слёзы обиды заполнили мои глаза и тут же заструились по вискам.

Самойлов наклонился ко мне. Провёл губами по щеке, потом по шее. Я с отвращением отвернулась.

- Лучше давай-ка приступим к делу, моя хорошая, - прошептал он, одним ловким движением перетягивая ремень на моих запястьях. — А то ждать становится невыносимо...

Я сидела в машине на заднем сидении, провожая пустым взглядом скользящие мимо пейзажи загородных просторов — лесополосы, деревеньки, посёлки, поля... Свобода. Свобода виделась мне в каждом отрезке, что встречался взгляду. Выйти бы из машины и бежать через поле, в лес, забраться на дерево или спрятаться под землёй, так чтобы никто не нашёл. Так что бы все забыли...

Я вздрогнула. Самойлов сидел на заднем сидении авто вместе со мной. У другого окна. При этом он держал меня за руку.

Вообще-то, это было редкостью, когда он соглашался ехать со мной в одном транспорте, тем более, сидя рядом. Но что поразительнее — держа за руку.

Видимо, мой эмоциональный взрыв настолько поразил его, что он начал чего-то опасаться. Может быть, чувствовал что-то. В первую очередь, надвигающуюся угрозу моего побега. Моего побега он боялся больше, чем моей смерти.

Может, он, конечно, думал, что я уже забеременела от него. И так проявлял своё внимание. Вот уж не знаю.

Он знал, что я не так проста, и запереть меня в клетке на простой замочек он не мог.

Он опасался. И был прав в своём опасении. Ведь я собира-

лась сбежать уже на этих выходных. Вернее, совершить ещё одну попытку побега.

Очень редко, теплой поздней весной, ранним летом или теплой осенью мы выезжали в загородную резиденцию родителей Кости. Его отец и мать относились ко мне довольно хорошо, а ещё они знали, какого изверга они вырастили и, смирившись, покрывали почти все его выходки.

Даже, когда в прошлый раз Костя при них рванул меня за волосы и толкнул, выгоняя из гостиной в их же доме, они лишь, тяжело повздыхав, отвернулись.

По счастью, совсем недалеко от Самойловых жила Оля. Моя дорогая Оля и её брат... Они жили в поселке неподалеку. Когда я впервые узнала об этом, я плакала от счастья – понимая, что это может быть моим шансом. Сколько раз я пересчитывала все детальки моего плана. Сколько раз...

И этот план должен был сработать.

В ближайшее время я уже сбегу.

Проблема в том, что этот побег не продлиться долго, но я ДОЛЖНА успеть за это время всё рассказать, возопить о помощи, дотянуться до той стороны, с которой меня утащил Самойлов в свои гнилые окопы.

Оля... Если она узнает правду, она поможет. Обязательно поможет.

На моих друзей Самойлов повлиять не мог. Все мы были из элитного поселка и все до одного из семей влиятельных людей. Оля с Мишей в том числе. Единственное, их родите-

ли, чета Кузнецовых, несколько лет назад покинули страну, уехав в свою виллу на берегу океана. Дети остались здесь. С Олей... С Олей мы дружили ещё со школы. Наш класс был небольшим, и там учились такие жестокие и неприятные люди, о которых даже вспоминать страшно. И у каждого за спиной была влиятельная сила денег и власти их родителей. Девочки из нашего класса постоянно участвовали в конкурсах красоты, открывали вечеринки в клубах, ходили, задрав носы, орали на учителей и... Позволяли всем этим мачо, щёголям и просто красавчикам брать себя прямо на подоконниках в школьных туалетах.

Таким, как я, отличницам и мышкам, было тяжело. Но Господь милостив. Мы прибились друг к другу. Я и ещё две мышки. Первая – Оля Кузнецова. Темноволосая, с короткой стрижкой под мальчика, курносая и с большими голубыми глазами. Крапинки веснушек на носу, спортивный стиль, задорный смех...

Ольга давала всем фору в спортивных мероприятиях, так же, как и я всем давала фору в учёбе по сложным предметам. Второй мышкой стала светловолосая скромница и красавица, прячущая глаза за черными квадратами очков. Света Кулакова. Обладательница тонкого музыкального слуха. Света виртуозно играла на фортепиано. И учителя за неё стояли стеной – гордость школы.

Нас было трое, мы обладали своими талантами. И нас люто ненавидели все эти взбалмошные модельные красотки,

властвующие в нашей школе. Нас травили, однажды хотели хорошенько избить. Сразу всех троих. Поймать и исколотить, дабы знали свое место.

Но тогда за нас вступилась Асса. Она нас спасла. Моя дорогая Асса. Невысокая, красивая, изящная, деловая. Она тоже была мышкой. Никакой модельности во внешности, никакой помешанности на брендах. Никакого гламура.

Бесстрашная красавица Асса. Её одну они могли бы переломить, словно спичку, несмотря на её внутренний огонь. Но Ассоль Игоревна носила фамилию Орлова.

А в наших кругах никогда и не под каким предлогом нельзя было трогать только представителей двух семей: Орловых и Скавронских. Они же, бывшие друзья и нынешние враги, были выше, сильнее и богаче всех остальных.

А ещё у Ассы был старший брат. Петя Орлов. И в него я была влюблена. Была влюблена тогда, влюблена в него и сейчас. Моё сердце томилось по нему с младших классов, и замирало при одной мысли о нём по сей день. Петю я не видела уже очень давно... Целый год. Даже чуть больше. И я так скучала...

Орловы дружили с четверкой братьев Скавронских в наши школьные времена, и их союз был страшен.

Никакого гламура и пафоса они не терпели, и Асса, как и следовало ожидать, так же ненавидела всё это «гламурное куриное дерьмо», которым она называла большую часть заносчивых учениц нашей школы.

Поэтому Асса вступилась за нас. И не пожалела об этом, став нашей подругой, нашей защитницей.

Ассоль была сильной и бесстрашной мышкой. Она стала четвертой в нашей компании. И наш маленький мышиный оплот много лет казался нерушимым.

До тех пор, пока Самойлов спустя пять лет после окончания школы не разрушил в моей жизни всё до основания. И мою дружбу с моими мышками в том числе.

Глава 4

Он не просто уничтожил моего отца, разорив его и доведя до смерти. Не просто заставил мою мать скрываться. Он перерезал все те нити, что оплетали нас с Петей теплой паутиной. Мы с Орловым никогда не были в отношениях, но... Я была влюблена в него с самого детства, а он – он всегда защищал меня, помогал мне.

За неделю до того, как папины долги легли на мои плечи, и Самойлов втянул меня в бездну, из которой я пыталась сейчас выбраться, Петя хотел встретиться со мной.

Поговорить.

Что-то сказать.

Я тогда решила, что это знак, и я обязательно признаюсь ему в чувствах.

Но я не успела.

Самойлов, к счастью, не знал о моей влюбленности в Петю. Не знаю, что было бы, если бы знал. Однако друзей он лишил меня очень просто и накрепко.

Выплатив все долги, которые повисли на мне, он вынудил меня подписать контракт. Я выхожу за него замуж и разрываю все отношения с теми, кто был в моей жизни до этого брака, иначе – мне конец.

И теперь я на его стороне, в его «Самойловском отстойнике», как называли это те, кто противостоял ему. Все мои

друзья противостояли. Все адекватные люди. Все они противостояли ему.

И я осталась без них.

Никто так и не понял, почему и как я оказалась по ту сторону.

Но теперь... Теперь у меня снова появился ресурс для побега, после провального первого теперь я намеревалась добраться до Оли и всё рассказать ей. Рассказать её всю правду. Я уверена, что когда те, кто был мне дорог, и кому я когда-то была дорога, обязательно помогут мне.

Я знала, что Асса сейчас в Штатах, но если бы она была здесь, и знала всё, она бы точно меня вытащила.

Но ещё быстрее меня бы вытащил её брат – мой Петя.

Но они ничего не знали. Никто не знал правды о том, что случилось со мной, и как я оказалась замужем за Самойловым.

Я зажмурилась. До боли, до зубного скрипа. Мы уже подъезжали к дому Самойловых. Осталось совсем чуть-чуть. Скоро... Скоро. Главное, добраться до Оли...

Звук мотора затих, хлопнула дверь. Я почувствовала, как Самойлов отпустил мою руку, и открыла глаза.

- Дорогие наши, здравствуйте!

Невысокая ухоженная женщина с убранными в причёску волосами, встретила нас, распахнув объятия. Рядом с ней стоял, как всегда с суровым, словно камень лицом, муж – смуглый и седой.

Это и были Самойловы. Родители Кости. Меня они не особо пылко любили, но жалели. Жалели только потому, что в свое время Костя и им знатно отвесил своей вычурной жестокости и цинизма. Они понимали меня и жалели, но вмешиваться и помогать мне – нет, они бы никогда не стали.

- Здравствуйте, - тихо произнесла я, бегло оглядывая большой участок с многочисленными хвойными посадками и вымощенными дорожками.

Зона отдыха с бассейном, кортом и патио, и ещё столько всего... Вторая часть участка была занята посадками Людмилы Тарасовны. Она обожала это дело. Я её в этом поддерживала, потому что хоть в каком-то деле в этой семье проskalзывал намёк на человечность.

Дом был большой. Из светлого камня с современным оборудованием, но в классическом стиле. Здесь царило некое подобие уюта, а ещё всё словно бы дышало лоском.

Мы с Самойловыми вошли в дом. Костя хорохорился, рассказывая о какой-то сделке отцу, его мать, наоборот, в красках описывала мне, каким плодородным было прошедшее лето.

Прежде чем пойти к столу, нам предложили разместиться. Костя сказал, что у него важные переговоры и ретировался, я же, подхватив свою сумку раньше прислуги, направилась к лестнице.

Я поднялась на второй этаж. Кровь уже стучала в ушах громким рокотом – я понимала, что сейчас у меня есть иде-

альная возможность сделать то, что я должна была.

Но действовать надо было быстро. Оставив сумку напротив нашей с Костей спальни, я рванула в сторону кабинета Людмилы Тарасовны.

Сердце kloкотало в груди. Она всегда держала ноутбук открытым. И Интернет был в доступе.

Я бегло обернулась – никого. Вцепившись дрожащими пальцами в ручку, приоткрыла дверь. Большое окно и книжный шкаф возле него, камин, персидский ковер и огромный резной стол. Ноутбук включен!

Скайп был открыт. Это хорошо. Я вышла из профиля све-крови и тут же ввела данные моего самого старинного профиля. Никто даже не найдет концов, если что. Это был фейковый профиль, с которого я общалась с Петей ещё до того, как мы стали близко общаться с ним и Ассой.

Логин, пароль. Подключение.

Теперь мне не составит труда сделать то, что я хотела – мне нужно было хотя бы минимальное подтверждение тому, что Оля с Мишей дома. Когда мы оканчивали университет, родители Кузнецовых как раз окончательно уехали за границу, а ребята перебрались загород. Ольга ненавидела наш элитный посёлок, и мечтала сбежать оттуда при первой же возможности. Мишка был с ней солидарен. С отъездом родителей они так и сделали.

Свой бывший дом они сдавали и появлялись там, должно быть, крайне редко.

Номер телефона их загородного дома, где они жили сейчас, я знала наизусть. Каждую цифру могла отчеканить, хоть разбуди ночью.

Мои пальцы уже почти коснулись клавиатуры, когда сердце замерло в груди.

Кто-то идёт! Я вышла из скайпа и свернула окно на рабочем столе, затем метнулась к двери. Сердце грохотало в груди, в животе всё сжималось.

Я приставила ухо к дверной щелке и закрыла глаза, прислушиваясь.

Кто-то из обслуживающего персонала. Смех, перешептывание, шаги, затем тишина.

Выдохнула. Решив больше не терять времени, вернулась к компьютеру, снова зашла в свой профиль и пустила звонок со скайпа Людмилы Тарасовны.

- Алло?

Внутри меня словно бы опалило огнём. Я зажмурилась, сдерживая улыбку. Оля. Господи. Как бы мне хотелось ответить ей прямо сейчас. Как бы хотелось возопить о помощи, но... Это слишком рискованно.

- Алло? Я ничего не слышу. Перезвоните, пожалуйста.

Звонок оборвался.

Я вышла из скайпа, зашла в профиль Людмилы Тарасовны, так как тут были сохранены данные её доступов. Ещё раз мельком оглядев комнату, я на одном дыхании покинула её.

Я знала, что Оля с Мишей могут в любой момент уехать,

но я подготовила для них письмо на всякий случай. Если их не будет, то я обязательно закину им его в почтовый ящик.

Я подошла к двери с нашей с Костей спальни. Неприятный холодок дрожью прошелся по телу.

Как я ненавидела те места, где я должна была проводить время рядом с Самойловым.

Просторная комната, белые стены, тёмное дерево, зеркальный шкаф во всю стену. Всё какое-то холодное, неприступное, хоть и красивое. Поставив сумку у шкафа, я подошла к окну. Эта комната была темной. И мне нравилось в ней это. Её мрачность меня привлекала. Казалась какой-то настоящей. Истинным лицом.

А ещё мне нравился вид из окна, что открывался отсюда на сосны и дикий садик у искусственного пруда.

Мне так хотелось забраться куда-нибудь в уголок, обхватить себя за плечи и разрыдаться – от волнения, от боли, от усталости, от страха...

Но нет. Нет. Осталось чуть-чуть. Мне нельзя давать себе слабинку, как бы там ни было.

Завтра всё случится.

Глава 5

Запах кофе и сладостей наполнял большую столовую, сменив аппетитные ароматы уже прошедшего обеда. Особо аппетита у меня не было, но в доме Самойловых действительно вкусно готовили, поэтому я поела лучше, чем рассчитывала. К тому же, мне нужны были силы.

Первый пункт был сделан. На очереди второй.

- Помню, Людмила Тарасовна, Вы хотели мне показать заросли дикой ежевики в ближайшем лесу, - с улыбкой ответила я. – Вашей любимой. Той самой, из которой получается такой чудесный конфитюр.

- О, да, конечно, Анечка! Я помню, – оживленно ответила Людмила Тарасовна. Она захлопала глазами, не ожидая от меня какой-то приветливой разговорчивости. Обычно я сидела с ними за столом, словно вежливый зомби. – Пока вы с Костей здесь, предлагаю тебе прямо завтра пройтись до этих мест. Покажу тебе эти заросли. Они прекрасны. Это точно какой-то редкий сорт. И хоть сейчас осень, там есть на что посмотреть – такая красота!...

- С большим удовольствием прогуляюсь с Вами, Людмила Тарасовна, - ответила я, широко улыбаясь и тут же замечая, как колет меня сверлящий со стороны взгляд Кости.

Я знала, что от скуки Людмиле Тарасовне здесь места себе не найти. Муж был вечно занят и угрюм, с Костей же ей бы-

ло не сладить, когда он приезжал. А я, вроде как, если не отдалялась и не вела себя, как дежурно вежливое приведение, могла выступить кем-то вроде подруги. Именно свекровь я и собиралась использовать, чтобы сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.